

Лекция. Элементарные основы марксистской политэкономии.

Аннотация. В лекции на основе разбора главным образом первого тома «Капитала» К. Маркса даётся разбор и анализ основных категорий политэкономии марксизма.

Прослежен ход мысли Маркса от анализа товара к сущности капиталистической эксплуатации. Особый упор сделан на анализ феномена денег. Рассмотрено понятие рабочей силы как универсального товара с его главной особенностью – способностью производить стоимость.

Ключевые слова: потребительная стоимость и стоимость, деньги, рабочая сила, эксплуатация.

План лекции.

Введение.

1. Марксистский анализ товара. Общественно необходимый труд.
2. Марксистский анализ денег. Их происхождение, эволюция и функции.
3. Рабочая сила как универсальный товар.
4. Стоимость товара «рабочая сила».
5. Сущность капиталистической эксплуатации. Производство прибавочной стоимости. Феномен «рабочей аристократии».

Введение.

Мы говорили, что политическая экономия есть не наука о хозяйстве, особенно как ее понимают сейчас, а наука о самом глубоком общественном отношении, точнее о самой глубокой системе общественных отношений – отношениях производства. Следующий шаг – это уже не отношения внутри общества, а отношения общества к природе, производительные силы. И, действительно, только поняв эти отношения, можно понять общество как таковое. Ещё раз по-

вторяю, что понимание марксизма как экономического материализма, понимание, которое распространилось со времен II Интернационала, это совершенно бессовестная вульгаризация. «Экономика» в современном понимании этого слова здесь не при чем. Речь идёт вовсе не о купле-продаже и не об общественном богатстве, речь идёт о гораздо более серьезных вещах.

1. Марксистский анализ товара. Общественно необходимый труд.

Однако, для того чтобы эти серьезные вещи постичь, нужно начинать с вещей более простых. В частности, с товара, с анализа которого К. Маркс начинает «Капитал». Он рассматривает две его стороны – сторону природную, потребительную стоимость, то есть полезность для человека; и стоимость как таковую (я повторяю, перевод этого термина неудачный, но нам приходится с ним считаться), то есть, количество необходимого общественного труда, в нем заключённого.

Далее Маркс показывает, что это не всякий труд, общественно необходимый в том неопределенном смысле, как это представлял себе А.Смит, – что это общественно необходимый труд только в тех условиях, когда труд действительно становится предельно общественным, когда он реально становится более важным как труд вообще, чем как труд определенно-конкретный. А такие условия даёт только капитализм, потому что при капитализме происходит не просто производство предметов потребления, а производство товара. Потребительная стоимость для производителя товара сама по себе неважна, она является только необходимым условием для производства стоимости. И вот в таких условиях и возникает тот самый абстрактный труд, о котором говорит Маркс.

2. Марксистский анализ денег. Их происхождение, эволюция и функции.

Далее, переходя от анализа товара к анализу товарного обмена, Маркс анализирует деньги. У домарксовых экономистов деньги выступают в общем-то достаточно невразумительно. Действительное происхождение денег первым показал Маркс.

Итак, для того, чтобы товар выступил как товар, он должен быть вынесен на рынок. В этом смысле слово «рынок» выступает в том своём значении, которое в общем-то эксплуатируется современными идеологами, даже не экономистами, и происходит определённая подмена. Почему я говорю об этом? В данном случае под рынком имеется в виду сфера обращения товара, и пока что больше ничего. И давайте не будем это путать: слово «рынок» имеет целый ряд значений, и пока мы имеем в виду сферу обращения в отличие от сферы производства. Именно на рынке происходит сравнение товаров между собой и определение их стоимости, которая заложена в них абстрактным трудом. Тут Маркс выступает уже как вроде бы традиционный экономист, но на самом деле это не так. И я сейчас вам это покажу.

Он выводит свою знаменитую формулу: один сюртук равен двадцати аршинам холста, хотя на самом деле у него были ярды, я так думаю, но я оригинала не видела. Что это значит? Это значит, что стоимость каждого из этих двух товаров выражается в потребительной стоимости друг друга. Да, это не просто понять, но дело именно так и обстоит. Если мы хотим выразить стоимость одного сюртука, то мы должны приравнять его к какой-то другой вещи, к кому-то другому товару, и эта телесная оболочка двадцати аршин холста равняется стоимости телесной оболочки одного сюртука. И Маркс обращает внимание на то, что эта формула может читаться в обе стороны. Понимаете?

Они равно выражают свою стоимость через потребительную стоимость своего оппонента. В принципе, говорит Маркс, эту формулу можно продолжить до бесконечности. Я ее сейчас наизусть не помню, но, допустим, можно выразить так. (пишет на доске). ...равно пятидесяти килограммов пшеницы, равно, допустим, двум статьям, равно... и так до бесконечности.

Но в том случае, если у нас есть какой-то один товар, допустим, один сюртук, вот мы его вынесли на рынок и нам нужно купить что-то другое. Нас интересует не эта бесконечная цепь товаров, нас интересует, чему может быть равен наш товар, на что мы можем его обменять. И таким образом, у нас полу-

чается: 20 аршин холста, 50 кг пшеницы, два стула и так далее, – все они равны одному сюртуку.

Как видите, у нас уже выделяется новая формула стоимости. Если первая формула выглядит единичной, случайной, мы можем выбрать какую-то одну любую из этих форм, которые принимает одна и та же стоимость, – стоимость одна, но она принимает разные телесные формы, – то во второй формуле она уже становится всеобщей. То есть один какой-то товар выражает в себе стоимость всех остальных или выражается в стоимости всех остальных.

Кстати сказать, это действительно соответствует разным стадиям товарных отношений. Хотя, конечно, там фигурировали не сюртуки и не холсты (смеётся). Это случайная формула, она соответствует тому положению вещей, когда обмен существовал как случайные отношения, когда основой было натуральное хозяйство, а обмен являлся только редким дополнением. Вторая формула – это уже формула постоянного товарного обмена, это другой исторический этап.

Так образом, в логике Маркса, обратите на это внимание, отражается история становления предмета. Взаимосвязь логического и исторического характеризует вообще зрелый марксистский метод, хотя она гораздо более сложна, чем я сейчас вам показываю, но, чтобы показать это как следует, нужен целый семестр.

Вторая формула – это когда товарный обмен готов перейти в товарно-денежные отношения, когда выделился какой-то единый товар. Сами понимаете, что этот единый товар всё-таки не сюртук. И вот если мы продолжим эту пока что развёрнутую формулу, то среди неё может оказаться ещё один товар. Допустим, все это равно, допустим, 50-ти граммам золота и далее равно ещё чему-то. Действительно, первоначально золото выступает в таком ряду как один из товаров, хотя он уже с самого начала обладает некоторой спецификой.

Мне кажется, Маркс не учёл одного маленького момента. Золото с самого начала не могло быть просто товаром среди других товаров по той простой причине, что золото являлось сакральным объектом для всех народов. Золото – это

всегда солнечный металл, внешне подобный Солнцу, а значит, в представлении древних, магически с ними связанный. Так что, по-видимому, первой предпосылкой выделения золота в особую позицию послужило его сакральность, а потом уже все остальное. Но этого, повторяю, Маркс не учитывал, это уже мое предположение. Можете его на всякий случай иметь в виду.

Однако вскоре обнаружилось, что золото обладает ещё и другими характеристиками, помимо своей сакральности. Оно, во-первых, удобно, оно легко делится. Первоначально, кстати сказать, и это ещё одна поправка к Марксу, было не золото, в качестве всеобщего товара первоначально выступает серебро – тоже сакральный металл, магически связанный с Луной. Но давайте будем следовать Марксу. Далее, золото хорошо хранится. И, наконец, оно обладает высокой стоимостью. Что это значит? Посмотрим ещё раз на ту же формулу. Золото выступает как товар в ряду других товаров. Это значит, что оно выражает свою стоимость в потребительных стоимостях других товаров. То есть, оно обладает некоторым общим для всех остальных товаров показателем. В нем заключено N-ое количество общественно-необходимого труда – точно так же, как во всяком другом товаре. Прежде чем стать деньгами, говорит Маркс, золото должно было быть товаром, и оно не стало бы деньгами, если бы не было товаром. То есть, золото мы можем с тем же успехом вписать в ту же формулу: равно 50 граммам золота. Это один из товаров. Но в силу тех причин, о которых я говорила, золото обладает высокой стоимостью, то есть для того, чтобы намыть 50 грамм золота, нужно затратить не меньше, допустим, а то и больше труда, чем для того (учитывая тот факт, что золото по действительной стоимости никогда не ценилось), чтобы сшить один сюртук, выткать 20 аршин полотна, вырастить 20 кг пшеницы и так далее.

Поэтому не надо много золота для того, чтобы обменять на все это. Достаточно какого-то малого количества.

Золото легко делить. У каких-то примитивных народов деньгами служил скот, но вы сами понимаете, что это не очень удобно, потому что если прирав-

нять, допустим, 20 аршин холста к одному товару, а человеку нужно, допустим, 10 аршин, – что же, он этого барана пополам делить будет?

Золото легко хранить и транспортировать. Одно время у древних народов таким всеобщим товаром служила соль, но соль можно рассыпать, она может попасть под дождь и тогда она просто растворится. С золотом все это не может произойти. Точно также у некоторых народов денежным товаром служили другие металлы, например, железо, но железо подвержено коррозии. Золото коррозии не подвержено.

Все эти свойства золота, наряду с сакральностью, заставляют нас переписать нашу всеобщую формулу иначе: 20 аршин холста = 50 кг пшеницы = один сюртук и так далее, и все это равняется 50 граммам золота. Эту формулу Маркс называет денежной. Я бы на его месте не торопилась. Это не значит, что я умнее Маркса, отнюдь. Но мне кажется, что о денежной форме можно говорить тогда, когда это уже не вес. Может, вы обращали внимание, когда читали Библию, – там постоянно упоминается сикль серебра как денежная единица. Так вот, это ещё не денежная единица: сикль, а точнее по-древнееврейски шекель, – это определенный вес. И пока обмен определяется на вес, это все-таки ещё не сложившиеся деньги. Мне кажется, что денежной эта форма становится только с появлением чеканной монеты. То есть когда эти 50 грамм золота уже представляют собой, допустим, два дарика. Это я беру одну из самых древних золотых монет.

Слушатель: Почему же монеты взвешивали?

Е.Н.Х.: Просто монеты стираются, и они портятся. Не сразу научились чеканить такие монеты, которые трудно было испортить. В частности, гурт – это довольно позднее изобретение. А до этого монеты запросто можно было обрезать по краю. А что касается того, что монеты стираются, от этого никуда не денешься. Поэтому приходилось взвешивать монеты. А что касается того, что номинал монеты идёт от денежной единицы, так это наоборот вы хотели сказать. Когда взвешивали, то проверяли, не истерты ли монеты до того, что их уже нельзя считать. Предполагалось и раньше, что вес монеты фиксированный, дру-

гое дело, что этого добиться было трудно. Английский фунт – паунд – это же именно вес, греческий далмат, это определённые меры веса, и от них берут начало названия денежных единиц. Русский рубль, чеканная рублёная монета, – это другое дело. Так что деньги тоже проходят долгий путь.

Но мне кажется, что сама форма монеты – золотой кружочек или серебряный, – она тоже, как мне кажется, имела сакральный смысл. То есть, это Солнце, если монета золотая, или Луна, если серебряная.

Но постепенно все это отрывается и от своего сакрального смысла, и от самого происхождения как товара в ряду других товаров. Постепенно мы начинаем воспринимать монету просто как заранее данную меру. Мэру чего?

И вот Маркс говорит о том, что деньги выступают в целом ряде функций. Хотя у него есть логика настоящая, я буду перечислять эти функции не как у Маркса, думаю, так легче запомнится.

Во-первых, это мера стоимости. То есть, в них уже выражается стоимость всех остальных товаров.

Далее деньги выступают как средство обращения. Вы понимаете, что натуральное обращение товаров – это в общем-то очень неудобно, когда оно становится постоянным. Обращение посредством денег гораздо удобнее. Прошу вас обратить на это внимание. Деньги возникают как средство, как средство обращения, а потом сами увидите, во что они превращаются. Кто-то сравнивал деньги с кровью, которая циркулирует в организме, но ведь кровь сама по себе не производит ничего.

Далее. Деньги выступают как масштаб цен. Это значит, что цены на товары измеряются в определённых единицах. Длину измеряют в метрах, вес в килограммах, как мы сейчас, можно измерять и в фунтах, – а стоимость измеряют в денежных единицах – в дариках, в рублях и в чём-то ещё. Без этого было бы, конечно, очень сложно. Даже сейчас не всегда удаётся соотнести долларовую цену и рублёвую.

Далее. Деньги выступают как средство платежа. Они отличаются в этой функции от денег как средства обращения тем, что при обычном обращении

продавец получает деньги, а покупатель товар, в случае же если деньги выступают как средство платежа, сделка выглядит несколько иначе: покупатель получает товар, но денег продавец не получает или получает не все. Впоследствии он получает эти отсроченные выплаты – средства платежа.

Далее, деньги могут выступать как мировые деньги. Маркс выделяет эту функцию особо. Хотя, казалось бы, в мировом масштабе деньги выступают во всех тех же самых функциях, однако это не совсем так. Во время Маркса и в более ранние времена, когда отдельные экономики были более или менее замкнуты, тогда мировые деньги служили связью различных экономик. Я не буду разбирать все это подробно. В связи с этим во времена Маркса и более ранние времена деньги должны были выступать как деньги полноценные. Что это значит, расскажу чуть позже.

Наконец, последняя функция, это деньги как сокровища. Они могут быть просто заморожены, даже закопаны где-то на острове. Помните – «Пиастры, пиастры!» (смеется).

Что значит полноценные и неполноценные деньги? Из моего объяснения вы поняли, что деньги – это не бумажка, даже не золотая монета, даже не денежный металл и даже не всеобщий товар. Деньги – это определённое общественное отношение, материальным носителем которого выступает это самое золото. Деньги – это общественное отношение, которое характеризует развитое товарно-денежное обращение. А то, что мы имеем в виду, употребляя это слово, – золото, золотые дарилки, рубли, доллары, евро и прочее, – это только денежные знаки. Деньги – это общественное отношение между людьми.

Но раз это некоторое отношение, оно может выражаться по-разному. Оно может выражаться через какой-то всеобщий товар, который ещё не вполне стал деньгами, через денежный товар – я бы все-таки в отличие от Маркса не назвала это уже деньгами, я бы назвала это денежным товаром, да Маркс и сам колеблется.

Может это общественное отношение выражаться уже через монету. То есть если на этой монете написано, образно говоря, фунт, то она и будет весить

фунт серебра, но вы сами понимаете, каково таскать с собой целый фунт серебра... Поэтому очень скоро функция монеты высокой стоимости переходит к золоту. Количество золота, равное по стоимости фунту серебра, весит гораздо меньше. Хотя были времена, когда серебро ценилось дороже, но это уже времена достаточно незапамятные.

Когда же деньги как общественное отношение уже достаточно сложились, когда товарно-денежные отношения действительно стали основой экономики, – тогда отпадает надобность в полноценной и полновесной монете, и на арену выступают деньги неполноценные, то есть бумажки.

Первоначально это банкноты, банковские бумажки, то есть какой-то банк выпускает ценные бумаги, которые начинают иметь хождение наряду с полноценными металлическими деньгами. А потом эта функция передаётся государству, точнее казначейству, которое тоже начинает выпускать эти денежные знаки. В них-то как раз наиболее отчетливо и видно, что все это – лишь общественные отношения. Они представляют не свой собственный вес, не то количество общественно-необходимого труда, которое заключено в данной монете, чтобы добыть это золото, отчеканить и так далее, а именно всю систему общественных отношений. Потому что вы сами понимаете – напечатать бумажку и написать на ней «10 рублей» или «10 долларов» и напечатать бумажку в «1000 рублей» или «1000 долларов» – количество общественно-необходимого труда будет то же самое. Для того, чтобы нарисовать ещё два нуля, не очень много нужно общественно-необходимого труда (смеётся), правильно?

Поэтому именно в этом наиболее отчетливо видно, что деньги как деньги выступают именно представителем общественных отношений. На золотой, серебряной, полноценной монете это не так видно. Кажется, что все дело в том, что она обладает определенной стоимостью как таковая, а в этом на самом деле только полдела.

А вторая половина дела, может даже более важная, заключается именно в том, что складывается такая система общественных отношений, в которой это не просто общественно-необходимый труд, а именно стоимость. И вот тут-то и

происходит этот фокус, когда достаточно развитая форма денег отрывается от своего содержания и начинаются всякие фокусы вроде инфляции, вроде разных способов денежной эмиссии и прочих тому подобных вещей.

Слушатель: А в Древнем Мире потенциально инфляция была возможна?

Е.Н.Х.: Нет, невозможна.

Слушатель: А падение цен после открытия Нового света?

Е.Н.Х.: Это не инфляция, это нечто иное. В данном случае произошла не инфляция, а революция цен. То есть изменяется цена золота, а так как золото выступает как мера стоимости, то, естественно, все стоимости просто выражаются иначе. И так как раньше их выражали в таком-то количестве золота, то теперь творится черт знает что. Вот так в XVI веке обесценились феодальные ренты, что послужило мощным толчком к созданию новых общественных структур, причём не только экономических, но снизу доверху – социальных, политических, даже религиозных. Но это не инфляция.

Инфляция – это то, что происходит с деньгами как средством обращения, оторвавшимся уже от исходной своей функции – служить мерой стоимости как таковой. Это означает, что форма так далеко ушла от содержания, что уже просто пора менять содержание. Это тоже один из показателей кризиса капиталистической системы, основанной на стоимости, но это мы с вами забежали немножко вперёд.

3. Рабочая сила как универсальный товар.

Хорошо, говорит Маркс, мы берём случай, когда нет никакой инфляции и никакого мошенничества. Мошенничество – это не предмет политической экономики, это предмет уголовного права, правильно? (смеётся). Честные продавцы выносят на рынок честные товары, а честные покупатели приходят с честными деньгами и происходит честный товарно-денежный обмен. Очень хорошо, но откуда же все-таки берётся эта самая пресловутая прибыль? Принёс человек 20 шиллингов, отдал продавцу, ушел с 20 шиллингами, только в другой форме – в

форме холста, или сюртука, или стульев и так далее. Откуда же взялась прибыль?

И тут начинаются всякие фокусы. Начинаются якобы объяснения: то ли покупатель обманывает продавца, то ли наниматель обманывает наемного работника, то ли ещё кто-то.

Однако, простите, говорит Маркс, если покупатель обманывает продавца, то эта стоимость только перемещается, она не возникает. И вообще человек выступает попеременно то как покупатель, то как продавец, и то, что он потерял как продавец, он наверстает как покупатель, или наоборот. То есть эта излишняя стоимость будет просто перемещаться и больше ничего.

Откуда же она взялась? Это вопрос, на который до Маркса ответить не мог никто. Ответил на него только Маркс. Он говорит так: у нас возникают очень интересные граничные условия. Мы уже с вами выяснили, что новая стоимость возникает только в условиях товарно-денежного обращения, однако вместе с тем мы выяснили, что на рынке она возникнуть не может, на рынке она может только переместиться. Следовательно, у нас получается парадокс. Эта самая обратная стоимость должна возникнуть и на рынке и не на рынке одновременно.

То есть пресловутая формула этого обмена – товар-деньги-товар – вообще-то она бесконечна. Но она может быть рассмотрена иначе – как деньги-товар-деньги.

Это – уже не формула нормального товарного обращения. Это уже формула того, о чем мы с вами говорим: того товарного обращения, когда все производство существует не ради товара, а ради денег, ради прибыли. Следовательно, эта формула должна быть дополнена: товар- деньги + дельта денег, то есть некий прирост денег. Так вот, откуда же он взялся? Откуда взялась эта дельта? Как она возникла на рынке и не на рынке?

А очень просто, говорит Маркс. Если покупатель выходит на рынок не для того, чтобы приобрести товар, а для того, чтобы приобрести эту пресловутую дельту, он должен найти такой товар, который эту дельту произведёт. Что

это значит? Человек выходит на рынок, чтобы удовлетворить свою потребность, купить что-то такое, что удовлетворит его потребность. Если он пришёл за едой и у него потребность поесть, то он купит 50 кг пшеницы, если потребность одеться, то он купит себе сюртук, если посидеть, то купит себе стул, а если есть потребность получить прибыль, то что он себе купит?

Он должен купить такой товар, который обладает свойством увеличивать стоимость, то есть производить стоимость больше собственной стоимости. И такой специфический товар он находит на рынке. Этот товар – рабочая сила. Ещё раз повторяю – не труд, а рабочая сила. Это такой товар, потребление которого увеличивает исходную стоимость.

Потребительная стоимость рабочей силы заключается в том, что ее потребление увеличивает стоимость. Каким образом?

4. Стоимость товара «рабочая сила»

Мы с вами говорили о том, чем определяется стоимость каждого товара. Скажите мне.

Слушатель: Количеством общественно необходимого труда.

Е.Н.Х.: Да, количеством абстрактного общественно необходимого труда, вложенного в этот товар. А скажите, чем же будет определяться стоимость товара «рабочая сила»?

Молчание.

Е.Н.Х.: Стоимость товара «рабочая сила», как стоимость всякого другого товара, определяется количеством общественно необходимого труда, потребленного на его производство. Подчеркиваю – как всякого другого товара.

А что включает в себя производство товара «рабочая сила»? Что нужно, чтобы на выходе получился стол – понятно: срубить дерево, распилить на доски, сколотить, отшлифовать, покрасить и так далее. А что нужно, чтобы на выходе получить рабочую силу?

Рабочую силу кого угодно – крестьянина, заводского рабочего, учителя, президента? Что?

Слушатель: Пища нужна.

Е.Н.Х.: Да, в первую очередь надо этого человека кормить. Но начнём с того, что его нужно родить, правильно? Должен быть человек как таковой, его нужно произвести на свет. Дальше что? Его нужно все это время кормить, его нужно обучить, ему нужно одеваться.

Слушатель: Ещё медицинское обслуживание.

Е.Н.Х.: Пока вы будете говорить «медицинское обслуживание», у нас никогда не будет хорошей медицины, пока мы не поймём, что медицина – это не обслуживание, а нечто иное. До чего все-таки въедаются стереотипы «общества потребления».

Итак, человека нужно лечить, учить. Ещё что? Жить ему где-то надо.

Слушатель: Продолжить свой род.

Е.Н.Х.: Совершенно правильно – продолжить свой род, потому что следующему поколению капиталистов потребуется следующее поколение рабочих. Издержки по продолжению рода тоже входят в стоимость рабочей силы.

Ещё ему нужно как-то передвигаться. Машина необязательно, хотя бы троллейбус. Ему нужно иметь какие-то развлечения, человек не может все время работать.

Итак, стоимость рабочей силы определяется всей этой «потребительской корзиной».

5. Сущность капиталистической эксплуатации. Производство прибавочной стоимости. Феномен «рабочей аристократии».

Именно это и показал Маркс: по существу, по сущности то, что мы называем заработной платой, – это превращённая форма. На самом деле не квалификацией, не производительностью труда определяется стоимость рабочей силы, а издержками ее производства. Квалифицированный труд оплачивается выше в первую очередь потому, что издержки его производства выше. Для того, чтобы произвести землекопа, не обязательно десять лет учиться в школе, потом в институте. А для того, чтобы произвести хирурга, – обязательно.

Итак, стоимость рабочей силы определяется количеством общественно-необходимого труда, необходимого для его производства. Однако всякая стоимость может продаваться по цене, которая ей соответствует и не соответствует. Цена – это только денежное выражение стоимости, она может колебаться вокруг стоимости и быть выше или ниже. Вы знаете, что закон так называемой конкуренции говорит, что если на рынке спрос превышает предложение, цены будут расти выше стоимости. Если, наоборот, предложение превышает спрос, цены будут снижаться ниже стоимости. То же самое происходит и с товаром «рабочая сила».

Если спрос на рынке рабочей силы превышает предложение, то хозяину сложно будет нанимать больше работников, и ему придётся платить им выше. Если, наоборот, предложение превышает спрос, как бывает обычно и называется безработицей, то рабочая сила будет оплачиваться ниже ее стоимости. То есть люди будут питаться хуже, носить всякие обноски, жить в аварийных домах, потому что рабочей силы больше, чем надо, и именно в этом заинтересованы капиталисты. Сейчас у нас предложение рабочей силы превышает спрос, поэтому в данном случае все достаточно банально. Сейчас рабочая сила оплачивается ниже стоимости. Вот почему приходится уже не знаю сколько времени носить этот костюм.

Описанная здесь схема – это классический образец. Однако по мере развития капиталистических отношений они все дальше уходят от этого классического образца. В чистом виде он свойствен так называемому капитализму свободной конкуренции. Потом происходит то же самое, что и с деньгами, – форма отрывается от содержания. Возникает то, что Маркс называл превращённой формой, то есть форма отражает содержание очень приблизительно, очень неточно и неверно, начинает существовать уже по каким-то своим собственным законам. В конечном итоге она все-таки сводится к этому содержанию, точнее выводится из него, но до этого конечного итога, чем более превращённой является форма, тем дальше. На все это начинают влиять самые разные факторы.

Например, известный феномен «рабочей аристократии». Что это такое? Это – возникающая где-то на рубеже XIX и XX века, в ходе становления империализма, прослойка особо высококвалифицированных и особо высокооплачиваемых рабочих. Она возникает в развитых богатых капиталистических странах. Нашу страну это почти не затронуло. У нас рабочей аристократии практически не было, у нас были только высоко квалифицированные рабочие, не перешедшие в этот разряд.

Внешне кажется, что представители «рабочей аристократии» получают высокую заработную плату в соответствии со своей высокой квалификацией. На самом деле все обстоит совершенно иначе. Эти рабочие выступают как соучастники капиталистической эксплуатации. Их рабочая сила оплачивается выше, а иногда значительно выше, действительной стоимости этой рабочей силы.

Откуда извлекается дополнительная возможность для оплаты этой рабочей аристократии? Из эксплуатации колоний и зависимых стран, где рабочая сила отчасти оплачивается ниже стоимости, а отчасти просто объективно стоимость рабочей силы ниже. Например, если человек живет в тёплых местах, ему не надо тратиться на меховую одежду. В России, например, объективно высокая стоимость рабочей силы, и даже если ее будут оплачивать ниже стоимости, все равно это будет выше, чем в других странах. Одно дело бразильский рабочий, который может жить в фавеле, а другое дело – российский, которому все-таки нужен бетонный панельный дом или блочный как минимум, полгода отопление, плюс более тёплая одежда, плюс еда более калорийная, потому что на холоде надо больше есть, чем на жаре. Поэтому очень верно сказал кто-то из журналистов, что для того, чтобы изменить инвестиционный климат, надо заставить Гольфстрим течь по Северному морскому пути.

Ещё раз обращаю внимание, возвращаясь к Марксу: мы имеем дело с абсолютно честными людьми. Абсолютно честный человек пришёл на рынок, – допустим, пришёл рабочий и сказал: хозяин, тебе нужны слесаря? Хозяин, абсолютно честный капиталист, сказал: нужны, давай завтра выходи на работу, я те-

бе буду платить такую-то зарплату. Он абсолютно честно купил у рабочего его рабочую силу и абсолютно честно ему заплатил.

Правда, тут есть одна тонкость. Потреблять рабочую силу он начинает в понедельник, а платит за неё в лучшем случае в пятницу. То есть получается, что рабочий даёт капиталисту аванс, который капиталист отдаёт позже, и деньги в данном случае выступают как средство платежа. Но человеческая рабочая сила обладает таким свойством, что она может производить стоимость выше, чем нужно для ее собственного создания. Поэтому всё абсолютно честно – все честно продали и честно купили, но в результате получается так.

Обычно рисуют такую схему. Вот у нас восьмичасовой рабочий день. Первые четыре часа рабочий производит необходимую стоимость – то, что надо для производства его рабочей силы, – а вторые четыре часа он производит прибавочную стоимость, то есть стоимость более высокую, чем стоимость его рабочей силы.

Здесь мы добрались до самой сущности капиталистической эксплуатации. Все честно, однако в результате этой честности рабочий только часть своего рабочего дня работает на себя, другую часть рабочего дня он работает на капиталиста. Тут мы взяли соотношение 50 на 50; это норма прибавочной стоимости ещё довольно приличная, бывает гораздо хуже.

Но, говорит Маркс, этого не видно. Если, например, зависимый крестьянин работает три дня на своём поле и три дня отрабатывает барщину на поле своего барина, то это видно. Здесь он воспроизводит свою рабочую силу, а тут работает на барина. Это видно. А вот когда слесарь стоит у станка, то не видно, что эту деталь он произвёл в счёт необходимой стоимости, а ту – в счёт прибавочной. Почему?

Здесь мы возвращаемся к тому, с чего я начала. Потому что для капитализма важна не натуральная форма продукта, не его потребительная стоимость, не то, что эту деталь привинтят к станку, или автомобилю, или ещё чему-нибудь. Важна стоимость, то есть количество общественно-необходимого абстрактного труда, а она-то как раз и не видна. Потребительная стоимость и сто-

имость, в отличие от труда феодально зависимого крестьянина или мастера феодального цеха, расходятся, они не совпадают.

Поэтому капиталистическая эксплуатация не есть зловерный умысел капиталиста против рабочего, капиталист может быть сколь угодно честным и порядочным человеком, он может платить зарплату по стоимости и даже выше, он может строить больницы и школы, как Нобели, устанавливать восьмичасовой рабочий день, как те же Нобели, которые говорили, что человек не может хорошо работать, если он работает не в нормальных, человеческих условиях; он может сам вкалывать по 12 часов в сутки, как те же Нобели или Крупп, он может быть управляющим завода и одновременно изобретателем, как Нобель и Крупп, которые были крупнейшими инженерами-изобретателями. Это ничего не меняет в сущности капитализма.

Эксплуатация – это не злая воля Нобеля или Круппа, Рокфеллера или даже Джорджа Сороса, хотя Крупп был порядочным человеком, Рокфеллер уже не особенно, а про Сороса этого никак не скажешь. По существу это ничего не меняет. Эксплуатация – это определённая система общественных отношений, которая от отдельного человека никак не зависит.

На сегодня это все.

Слушатель: А это применимо к современным условиям?

Е.Н.Х.: Я с этого начала. Это – та сущность капитализма, которая будет существовать, пока существует капитализм, но формы ее проявления могут быть очень разными.